

Новая Время

№ 10074 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21-го МАРТА (3-го АПРЕЛЯ) 1904 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ № 10074

ПИСЬМА КЪ БЛИЖНИМЪ.

Родина и герои.

Что такое родина? Да вотъ этотъ напруженный колокольный гулъ, слышимый издали. Какъ встревожилось бы сердце у ста тысячъ «нашихъ», заброшенныхъ въ маньчжурскія трущобы, если бы до нихъ дошелъ этотъ величественный или пасхальный гулъ, хотя бы еле слышимый. Именно издали, съ горизонта, изъ синей дали этотъ ясный звонъ напоминаетъ погосты, сѣрую деревню съ темными шпостасовъ, могилами кругомъ церкви, поповскія хоромы, пустырь, гдѣ на ярмарку разбиваются балаганы и гуляютъ дѣтки съ парнями. Какъ для Одиссея синій дымокъ надъ родной Итакой, для нашихъ героев какой восторгъ было бы услышать этотъ милый, столько говорившій сердцу звонъ. Но уны, ниче они его не услышатъ. Многие не услышатъ его больше никогда...

Вотъ за что умираютъ: за этотъ малопонятный звонъ, за свѣтлыя вербы съ бѣлыми или барашками, за огоньки Чистаго четверга, за привычную красоту родного уклада жизни, слагающейся тысячелѣтними. Все не за выгоды, которыми трудно извѣщать, не за корысть, а за покое, за красоту, и иначе было бы трудно, почти невозможно воевать. Корысть слишкомъ разума, это предметъ мирной войны — торговли. Чтобы дать войну безъ расчета, нужно немножко высшего безумія поэтовъ, нужно очарованія и любленности въ то, что родина. Здѣсь, въ Россіи, мы часто не замечаемъ России, мы ее почти не любимъ. Глубокое стесненіе ея быта кажется странно обиднымъ, плохимъ. Но стоитъ выйти за границу, стоитъ попасть въ дальніе края, тотчасъ загорается пламенная, страстная любовь къ роднѣ и память невольна и неостановимо, какъ магнитъ, притягиваетъ къ полюсу, таянется въ сторону Россіи. Какъ вы думаете, о чемъ теперь мечтаютъ на границѣ Кореи, въ Портъ-Артурѣ, у Ньючанга? Объ одномъ единственномъ, что дороже жизни и само лѣзетъ въ голову неотвратимо. О родной деревнѣ, о родныхъ городахъ, надъ которыми поднимаются зеленые купола и колоколы и несетъ вотъ этотъ грустный величественный звонъ.

Если великая Россія теперь силовная дума о своихъ далекихъ, заброшенныхъ на край земли, умирающихъ въ ранахъ, — то и они, заброшенные, силовная дума о родной землѣ, для живыхъ — послѣдняя дума... Стоитъ гдѣ-нибудь обледенѣлымъ, дрожащимъ солдатикъ на часахъ, за окошечкомъ, на весеннемъ холодномъ вѣтрѣ. Крѣпко держать свое окошечко и прислушивается къ говору странного какого-то, жалкого народа, который не то маньчжуръ, не то питевецъ, не то кореецъ, а можетъ быть перодѣтый китайцемъ японскій шпигель или хунхузы, — того и гляди, вырветъ вожжи. Надо горю глядѣть вокругъ и нечего тутъ думать о пустякахъ... И бодритъ себя солдатикъ, и говоритъ изъ головы эти безконечно-милые ему «пустяки», деревню, деревню, колокольный звонъ, — и никакъ ихъ выгнать не можетъ.

И мерещится ему: «Господи, Кладько жила моего», и какъ всѣ падаютъ на землю въ глубокой скорби. Мерещится умоительное слово «Да исправится молитва моя», и «Нашъ силъ небесныя съ нами вѣдимо служатъ»... Кое-кто можетъ быть изъ этихъ солдатиковъ и самъ слышать эти умоительныя слова въ приходской церкви. Слеза прошибаетъ замирающаго героя, идущаго на смерть: — Вспомнить ли они насъ? Не забыли ли? — спрашиваетъ онъ себя сотый разъ, крѣпко сжимая винтовку.

Не забыли, родные, не забыли...

И.

Но знаменательной случайности Россія испытываетъ наступающіе дни великихъ битвъ великихъ семинедѣльных постоу, покаяніи, молитвами о грѣхахъ, о покаяніи, о помощи свыше. И говорю о Россіи, о народѣ русскому. Есть сортъ довольно дешевой интеллигенціи, для которой всѣ эти посты и молитвы — ступень, почти безуміе. Но Россія — не она. Россія наживала это «священное безуміе» тысячелѣтними, вотъ эту вѣчность души, это трепещущее стремленіе къ Богу, хотя бы невѣдомому, эту потребность раскаянія, сокрушенія, сладкихъ слезъ передъ мерцающей зачарованной. То, что называется вѣрой — вовсе не формула, не разсужденіе, а просто сѣнь души, пораженной красотой вѣраховъ жизни. Вѣра это потребность въ родныхъ, приемимыхъ, тысячелѣтнихъ людяхъ, испытывать Богу свое счастье или горе, присоединить къ своей волѣ къ хоръ безчисленныхъ голосовъ отцовъ, дѣдовъ, прадедовъ, давно почившихъ и все еще живыхъ въ общей молитвѣ, въ общей дѣлѣ и поэтическомъ укладѣ жизни. Вѣра народная — безсмертная душа народная, и не все ли равно, что возбуждаетъ жизнь души: бытуетъ вѣра, приемимый предъ статуей Будды, или вотъ это слово: «Да исправится молитва моя» изъ голубого надального дыма? Кто къ чему примыкаетъ, кто съ чѣмъ связанъ. Нашъ русскій, за вѣченіемъ часта интеллигенція и сектантовъ, связываетъ иная атмосфера чувствъ, которую мы дышимъ не различая ее, не изкладывая, изъ какихъ элементовъ она состоитъ, что въ ней кислорода, что азота, что тутъ разумъ, что безуміе. Разнѣ въ томъ, что любимъ, не одинаково прелестью даже вѣра? Чѣмъ восхитительнымъ дѣти, какъ въ своей наивности? Чѣмъ хороша природа, какъ не своей непосредственностью, ясностью, ничего не говорящимъ разуму бытиемъ? Пусть для тѣхъ, у кого разумъ больше чувствъ, не нужна эта вѣра или даже какая-то особая, о которой я, признаюсь, не имѣю точнаго представленія. Но для этого народа нужна общая стѣна чувствъ, общая вѣра, общая интуиція, вѣчно понятное и дорогое не отдѣльнымъ людямъ, а вѣкъ вѣстѣ. Непреставно вѣкъ, какъ игнорировать понятныя народнымъ инстинктомъ и интуи. И какъ горю, что вѣра не безконечнымъ рационализмомъ, сестричествомъ, интеллигентнымъ интернационализмомъ, инстинктомъ, какъ ощущается, инстинктомъ общую жизнь, общую вѣру, общую съ народомъ жизнь.

W. H. SCHAEFER, JR.